

ли найдет там что-нибудь более радующее. Наряду с тем, что в человеческих лицах проявляется особое неопишное искусство – так что меня столь большое разнообразие лиц наводит часто на мысль о чуде, – есть, однако, в их красоте много сходного, поэтому можно сказать вместе с Овидием: "Множество красивых лиц заставляет колебаться мое суждение".

2. Украшение женщин – не только прекрасное лицо, но и волосы, так восхваляемые Гомером у Елены и многих других, грудь и бедра, и, наконец, все тело, если женщины стройны, белы, полны соков, если пропорции их совершенны] Поэтому мы видим, что у многих изображений женщин и богинь обнажены не только голова, но у одной – рука, у другой – грудь, у третьей голень, чтобы была видна какая-нибудь часть телесной красоты каждой. Многое вообще не скрыто одеждой, и клянусь, это еще лучше и приятней, пример чему – скульптура Дианы, купающейся в источнике в окружении нимф и застигнутой врасплох Актеоном. Правда, Ювенал говорит, что в живописи требуется скрыть некоторые части тела. Но почему нужно скрывать то, что, вероятно, является лучшим; Овидий, например, говорит:

"Лучше еще, что скрыто!"

Ведь если женщинам, имеющим красивые волосы, красивое лицо, красивую грудь, мы позволяем обнажать эти части тела, почему мы несправедливы к женщинам, которые красивы другими частями тела?

3. Однако возвратимся к тому, от чего отошли. Для чего существует превосходная красота телесных членов, созданная удивительным умом природы? Может быть, для того, чтобы блекнуть от старости и терять сок и свежесть, подобно виноградной кисти, остающейся на лозе вплоть до зимы, тогда как нам, мужчинам, при виде таких соблазнов сгорать от желания? В таком случае было бы лучше не создавать красивых женщин, как это сделала природа с остальными животными, которые не умеют различать между безобразными и красивыми, хотя иначе сказал Овидий о быке Пасифаи, выбиравшем больше среди телок, чем среди остальных коров; равным образом это встречается и у мужчин. Как мы провожаем женщин пылающим взором, так и они нас, если наружность красива. Никто не станет отрицать, что мужчины и женщины для того рождаются красивыми и, что особенно важно, со склонностью к взаимности, чтобы наслаждаться, взирая друг на друга, любя друг друга и проводя вместе жизнь. Клянусь, что если бы все мужчины и женщины были так же безобразны, как твои, Катон, соседи, супруги Руфий и Катина, изнуренные страстью и болезнью, я убежал бы в пустыню и избегал людей, словно змей. Что сказать более? Кто не восхваляет красоту, тот слеп душой и телом, а если имеет глаза, то должен быть их лишен, так как не чувствует, что имеет их. Я сказал о зрении и осязании только одного рода.

XXI

1. Можно перечислить и многое другое. В самом деле, для чего, если не для нашего украшения, создала природа золото, серебро, драгоценные камни, дорогую шерсть, мрамор? Кто может в этом сомневаться, если он не враг истине? Даже сами боги, с чьим величием ничто не сравнится в человеческих делах, охотно позволяют украшать себя подобными предметами, и ничего нет у нас священнее храмов. Стоит ли упоминать о созданном руками людей, например, о статуях, картинах, великолепных искусствах, публичных зрелищах, и разве меньше нужно ценить дары полей и виноградников, которыми, как известно, наслаждались с восторгом не только землепашцы" но знатные люди и даже цари, как Лаэрт, Кир? Надо ли говорить о лошадях и собаках, созданных для нашего удовольствия?

2. И хотя все это так, некоторые строгие философы лишили себя зрения, из-за чего восхваляются многим; клянусь, я тоже их хвалю и заявляю, что они сделали дело, достойное самих себя. Действительно, подобных уродов следует лишиться зрения, если они имели его. Думаю, они должны быть сравнены с Эдипом и низвергнуты в преисподнюю даже ниже Эдипа, так как не достойны ни видеть, ни быть видимыми. И вообще самое абсурдное и в словах и в делах создано философами.

XXII

1. Обратим теперь внимание на речь, чем едва ли не единственным мы превосходим животных, хотя Ксенофонт то же самое думает о славе; однако, по мнению Вергилия, к славе восприимчивы и лошади, например, в «Георгиках» он говорит:

"Как переносит позор, наблюдай, как пальмой гордится".

О смехе мы уже сказали. Говоря от имени мужчин, разве убежал бы я, заслышав случайно какую-нибудь сладкогласую, какой, говорят, была Клеопатра, и прервал беседу, которую она со мной завела? И поскольку с помощью слуха воспринимается не только речь, разве заткну я уши,